

7. Гирин Н. Наш митинг на самом деле про хамство. – Новая газета. 03.06. 2015.
8. Поликовский А. Вынос мозга. Репортаж с митинга в защиту науки. – Новая газета. 08.06. 2015.
9. Соколов А. В., Исаева Е. А. Гражданское общество в региональном измерении //Власть. – 2015. – №. 1. – С. 113-117.
10. Синицын А. Общество без граждан. – Ведомости. 03.11.2015.
11. Добрынина Е. Поверь, не бойся, не грусти. – Российская газета. 30.01.2015.
12. Желнина А. Гражданское общество: «Мы пока маленькие». – Ведомости. 26.05.2015.

Баранец С.Н.

Местная власть и местное самоуправление: связность политической
потенциальности

Local power and local self-government: political potentiality interconnection

Аннотация на русском языке: Автор обращает внимание на тонкие, но существенные различия местной власти и местного самоуправления в современной России, что позволяет по-новому поставить ряд вопросов исследования муниципального измерения российской социальной реальности.

Summary: The author take the point of attention to slim, but essential differences in the notion of Local Power and/or Local Self-Government in contemporary Russia, which ones allows to take some investigatory questions in the area of exploring on Russian municipal reality dimension from the new viewpoint.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местная власть, местное самоуправление, муниципальное измерение социальной реальности, российский стиль управления, компетентность власти, кадровые потребности, новое поколение чиновников.

KEY WORDS: local power, local authorities, local self-government, municipal dimension of social reality, Russian governance style, power competitiveness, staffing requirements, new generation of bureaucrats.

Социологическая осмысленная реальность современного российского общества некоторым образом отличается от того видения, которое задается в политологическом ее измерении. Если для последнего важна исследовательская концентрация вокруг идеи власти как таковой, преломленной в практиках реализации администрирования, управления и повелевания, то увидеть в этом проблемном поле социологический аспект – значит не просто сменить ракурс, а поставить вопрос о смысле политико-исторического движения и механизмах реализующего достижения идеи как целеуказания, ориентира и маркера для оценки меры продвижения вперед. Этот смысл обнаруживается, на мой взгляд, не только и не столько в субстратных основаниях человеческого бытия, задаваемого телесными практиками, их ограниченностью в мире явлений и процессов социальности, и уже не вполне лишь поисками субстанциальных оснований

человекообразного бытия, деятельно преобразующего мир в сторону его доместикации и гуманизации, но в атрибутивных характеристиках обстоятельств времени и места действия, выступающих в социальном поле взаимодействий в качестве активного фактора миропереустройства.

Российский социум, переходя в посткризисное состояние (хотя некоторые полагают возможным говорить о грядущем в течение ближайшего десятилетия «перманентном кризисе») вряд ли сумело растерять тот набор приспособительных механизмов выживания и адаптации, который позволил ему пережить «лихие 90-е», однако, кроме того, на пути сохранения своего благоприобретенного «modus vivendi» обнаружил в себе возможности, потенциальности и вероятности, которые едва ли сумел бы развить для себя иначе, как в постоянно обуреваемых наследствиях имперского и советского начал. Одним из таких благоприобретений я полагаю «новое» местное самоуправление как институциональное воплощение местных властей (авторитетов, лидеров и представляющих их групп влияния), сопрягаемое в полномасштабным государственным давлением на девиантные, с точки зрения существующего в конкретной субъекте Федерации политического режима, формы проявления самоутверждения этих властей в качестве полноценного политического актора – местного самоуправления и его органов (должностных лиц). Странным образом поражаемое изнутри и снаружи всеми детскими болезнями и застарелыми инфекциями бюрократического свойства, это институциональное поле взаимодействий постепенно обретает отличаемую от государственных форм самостоятельность в постановке целей, решениях и формулировании задач, не только отображающих интересы местных сообществ (формализованных или спорадически возникающих по зову лидеров для преодоления образующихся дисфункций и дисконнекций), но и умеющих вычислить (и уразуметь) в целях приспособления и самосохранения приоритетный государственных интерес, дабы переместить сферу своих локальных амбиций под его широкие крыла или зонтики. Сформулированная на рубеже второго десятилетия текущего

века руководством страны (и, надо сказать, недооцененная политическими аналитиками) концепция превращения российского местного самоуправления из самостийной власти «авторитетов на местах» в государственно-ориентированного субъекта, способного к пролонгации иссякающего или недостаточно убедительного властно-административного влияния государства (равно как и к минимизации его менеджеральных позывов) уже не только в связи с постоянной подпиткой из бюджетных средств (или угрозой отлучения от источника таковых), но и, так сказать, за идею. Такой подход предполагает, помимо прочего, формирование новой когорты лидеров, обладающих компетенционным набором, дополняющим тот инструментарий, который всякими доступными способами (хотя и не всегда удачно) воспроизводится в массе государственных гражданских служащих соответствующими кадровыми службами и их специалистами с помощью системы специальных учебных заведений. На мой взгляд, не в столь уж отдаленном будущем грядет переход к чиновному слою нового поколения, новому типу бюрократа, исповедующему ценности нового подхода к управляемому им миру человеческих дел, и этот переход осознается как назревающий и обусловленный требованиями публичности управления в современном мире глобальный поворот, - причем осознается как таковой не только узким кругом экспертов, но и широкими массами компетенционно вооруженных граждан, способных уже не только разобраться в сложностях интерфейса власти и общества, но и задавать своими силами точки сгущения общественного внимания, меняя не только вектора административных действий, но порой уже и идейно-ценностные приоритеты власти, ее идеологию и философско-политические основания.

Из какой бы субъектной позиции мы не пытались рассмотреть устройство российской власти, нам придется иметь в виду ее муниципальное измерение, которое порой выглядит хаотичным, но в своем внутреннем движении, как мне представляется, вполне отражает общую логику исторического процесса и его смысловые парадоксы. Не повторяя сказанное

ранее, хотелось бы в целях настоящей работы обратить особое внимание на проблемы формирования социально-политических компетенций обучаемого и реквалифицируемого государственного служащего гражданской ориентации, которому, помимо решения собственных задач, предстоит выстраивать взаимодействие с разнообразными проявлениями локализованной *муниципальности*, принципиально акцентирующей себя в противостоянии отдельным практически и коммуникативно проявленным свойствам и качествам государственного управленческого стиля, и в то же время обладающей несомненным преимуществом локализации властно-управленческих позывов к сопротивлению социального материала местных сообществ, возникающих по разным поводам и практикующих территориально распределенную на малых пространствах тесных общений власть, природа которой, как мне кажется, остается неизменно потестарной. Здесь и неоспоримые достоинства, которые делают местную власть настолько близкой к народу, что различия между нею и отдельными представителями народонаселяющей массы местнорожденных и благоприобретенных в качестве действующих резидентов данной территории теряется (и многими исследователями аналитически обнуляется – что, надо сказать, не совсем верно). Здесь и неизбывные слабости – местничества самоуправного и своекорыстного даже в своем объединительном интересе, куль скоро таковой обнаруживается заново родившимся или привнесенным извне, с других властных уровней. Но здесь и основания для новой надежды, поскольку федералистичность властных отношений в России оказывается почти что ее судьбой, однако это не означает всегдашний оправдательный приговор любым и всяким самодеятельным проявлениям характера (нрава) местно-ориентированной власти, якобы, достаточным для эффективного управления небольшими группами людей, присутствующих на относительно небольших (обозримых) территориях. Если федерализм – судьба современной России, то отладка его механизмов и поддержание их в

работоспособном состоянии должно все же быть заботой профессионалов, обладающих для этого соответствующим набором знаний, умений и навыков.

Воспитанию последних в сфере профессионального образования уделяется немало внимания, и, несомненно, по мере становления специальности «Государственное и муниципальное управление» как особой дисциплины (в том числе и в научно-исследовательском аспекте) будет возрастать понимание того, в чем, собственно, должен состоять ее целевой ориентир и предназначение. На мой взгляд, таким целевым ориентиром может выступать пока плохо уловимое и с трудом рационализируемое, но вполне утилитарно-ориентированное свойство ума и души, как способность принимать к рассмотрению любую проблему, потенциально несущую в себе угрозы сложившемуся социальному порядку и управленчески представляемую как то, что может потребовать специальных властно-административных решений и организованных действий по ее купированию, терминции или, к примеру, канализации. Эмерджентный характер социальной реальности, чреватой хаотическими, стихийными и деструктивными проявлениями по-человечески организованной и видимой общности/индивидуальности/коллективности требует обращения с нею прежде всего как с потенциальным набором угроз, даже если таковые пока представляются явным благом или достижением прогрессивного характера. В противном случае свободная игра сущностных сил человека может быть средством его дегуманизации, а смысл человеческого бытия, как показывали исследователи этой проблемы – в том числе и Л.Н.Коган – вполне может быть утрачен без возможности восстановления. Отметим, по ходу дела, что победительный пафос социализма, явленный в Советском Союзе и дискредитированный, помимо прочего, напористой политикообразной социологической пропагандой буржуазного набора «естественных» человеческих ценностей, оказался вполне воспроизводимым и морально, и политически: нынешний откат в показателях качества жизни представляет собой лишь слабое отражение того глобального надрыва

исторической ткани, который пережили ныне живущие поколения «рожденных в СССР», но именно в связи с этим «угрожающим будущим» остаточное чувство исторического оптимизма, связанное с возможностью конструирования справедливого общества практического гуманизма, оказалось не вполне изжитым и не окончательно утраченным в массовом *общенародном* сознании россиян. Другое дело, что пока не найдено адекватных форм идеологического выражения этого потенциально конструктивного оптимистического заряда, и над этим, на мой взгляд, надо бы подумать и теоретикам, и практикам российского стиля политического управления. С противном случае вся система стратегического подхода к планированию основных направлений воспроизводства и развития общественной реальности в поисках общественно приемлемого оптимума, формируемая властью в связи с реализации известных норм действующего законодательства, может остаться всего лишь очередной нежизнеспособной модерновацией административно-бюрократического толка.

Кстати говоря, именно в русле этой актуальной тенденции эволюции российской государственности могут быть, как мне кажется, обнаружены и новые теоретические подходы к уже известным обстоятельствам современной общественной жизни, целевым ориентирам и показателям субъектной адекватности управленческих позиций и инструментов компетентной власти, способной к открытому договоропорождающему диалогу с народными лидерами, классами, слоями и массами, способными к реализации своего потенциала политичности и политкреативности в различных современных формах. Выделка и апробация новых формообразующих, содержательных и идейно нагруженных практик социального управления с использованием жизнеспособного опыта алгоритмизируемой в своих действиях бюрократической машины является, как мне кажется, одним из возможных путей «принуждения к будущему», которое способно не только шокировать, но и понуждать к творчеству ради самореализации и самовоплощения. Местная власть вполне в состоянии

сыграть здесь роль застрельщика-инноватора, тактикой малых, но потенциально успешных дел формируя предпосылки для тоннельного перехода к иным состояниям российского социального организма.

УДК 316.303.7

ББК 88.4

М.М. Басимов

Субъективная оценка материального положения